

Владимир Салимон

Ланжерон

Было жарко, и мы с женой вставали рано, чтобы успеть пройти по остывшему за ночь городу.

На задворках Одесса похожа на древний город, заселенный туземцами. Веселые одесситы сумели сымитировать имперский стиль настолько ловко, что я понял, откуда растут ноги у одесского юмора. Одесса – пародия на мировую столицу. Не являясь таковой ни по содержанию, ни по сути, она напоминает подростка, который в силу своего легкомыслия фотографируется в отцовском кителе, увенчанном орденами и медалями. На узеньких мальчишеских плечах генеральские погоны выглядят смешно, но безобидно. На Одессу нельзя обижаться за ее легкомыслие, ведь в самом деле она – не Москва, не Санкт-Петербург. Она – Одесса!

В парке имени Т.Г. Шевченко по веткам сосен скачут узкоглазые белки с пушистыми хвостами. Жена угощает их дорогими московскими конфетами, а я сижу на скамейке и смотрю на это безобразие с усмешкой. Совсем не потому, что я такой умный и талантливый, просто мне хорошо. Мне не мешает жить жена, меня не раздражают белки, мне нравится Одесса.

Если не лениться, то до Ланжерона можно дошагать за пятнадцать минут, а на большее я не способен. Ланжерон – мой предел.

Сегодня днем наше совместное с Вячеславом Пьецухом выступление в Литературном музее. На обратном пути нужно обязательно зайти в гостиницу и привести себя в порядок, чтобы не выглядеть на фоне тамошней роскоши босяком.

Из новых стихотворений

* * *

В соседней комнате – потемки,
а в нашей – сухо и светло.
Как лента клейкая, к клеенке
прилипло бабочки крыло.

На ум приходит неизбежно
сравнение с сухим листом,
что поднял я с земли неспешно
в лесу холодном и пустом.

* * *

Я вдруг почувствовал волнение,
как будто слабый ветерок,
как будто ветра дуновение,
как если б не был сон глубокий.

Но спал я крепко и, наверное,
в известном смысле глубоко,
недаром утро было скверное.
Туманное. Как молоко.

Мне снились женщины счастливыми,
какими не были давно,
поскольку мира под оливами
мужчинам не было дано.

* * *

Большие листья лопуха
покрыты толстым слоем пыли,
как если б их из сундука
достать едва не позабыли.

Случайно вспомнили о них,
поскольку много есть на свете
мест безнадежных и глухих,
где в радость будут листья эти.

* * *

От лыжных палок по весне
в песке еще заметны дырки,
следы немного вдалеке
ужасной чей-то носопырки.

Среди товарищей моих
один я мучаюсь вопросом:
какой зверек оставил их
своим чрезмерно длинным носом?

Откуда он такой урод
среди уродов прочих взялся?
Что мы за люди, за народ? –
спросить хотел, но побоялся.

* * *

Взявшись рассматривать руки свои,
очень я им удивился –
словно проели бетон муравьи.
Камень в песок превратился.

К пальцу большому прилипший табак
выглядел раной глубокой.
Руки такие у нищих бродяг,
смертью погибших жестокой.